

дивергенты семантические (ср. *Lac de la Traverse* «Озеро переправы», где произошло семантическое расширение слова *traverse*, означавшего в XVI в. ‘пересечение моря’), функциональные (ср. событийный топоним *Mont des Conscrits* «Гора призывников (рекрутов)»: название связано с тем, что во времена Первой мировой войны юноши скрывались от призыва в армию в близлежащих лесах), к в е б е ц и з м ы - н е о л о г и з м ы (ср. *Rivière des Savanes*. В Квебеке географический термин *саванна* означает плоскую и влажную местность с редколесьем, для земледелия её предварительно осушают).

В этой главе также есть подразделы, посвящённые топонимическим заимствованиям и мемориальным топонимам.

В Заключении суммируются выводы автора, в том числе подтверждается тезис о том, что источником языкового варьирования французского языка в Квебеке служат внешние и внутренние факторы.

К монографии приложен внушительный список использованной литературы: 378 названий на русском языке, 183 названия на иностранных языках и 49 названий словарей. Книга вышла в авторской редакции и без корректора; вероятно, этим объясняются и определённые недостатки издания. Так, упомянутые в основном тексте некоторые ссылки на работы авторов не нашли отражения в списке литературы, нет и списка сокращений названий источников, библиографическое описание работ не унифицировано по ГОСТу. Но это частное замечание, касающееся технической стороны.

В целом обе книги Г. С. Доржиевой по своему содержанию, теоретической и практической значимости достойны внимания ономастологов и вносят большой и ценный вклад в лингвистическую науку.

Р. А. Агеева

Русское географическое общество (Москва)
ruf09382008@yandex.ru

Рукопись поступила в редакцию 10.06.2012 г.

Kanavou N. Aristophanes' Comedy of Names: A Study of Speaking Names in Aristophanes / ed. on behalf of the Herculaneum Society by A. Barchiesi, R. Fowler, D. Obbink, N. Wilson. — Berlin ; New York : Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2011. — 228 p. — (Sozomena : Studies in the Recovery of Ancient Texts. Vol. 8.)

Исследование литературной ономастики Николетта Канаву начала с гомеровских имен — сердца греческой словесности. После этого появилась работа, посвященная семантической выразительности (*significant names*) ономастики Аристофана. Основным принципом методологии и методики автора является исследование собственных имен (личных, теонимов, топонимов, этнических и просторечных названий-прозвищ-кличек) как некоей системы, которая является смыслообразующей для каждой конкретной пьесы и в значительной степени обуславливает ее структуру. Нечего и говорить, что подобный подход чрезвычайно интересен для отечественного читателя, который вынужден воспринимать переводную литературу в отрыве от породившего ее языка, а собственные имена греческой классики традиционно являются для нас экзотизмами.

Примечательно, что автор тщательно обосновывает свою терминологию. Н. Канава, будучи носительницей греческого языка и представляя свое исследование по-английски, очень хорошо видит несовпадение национальных терминологических дефиниций, а также обусловленность ономастики структурой языка. Этимологическое значение греческих имен, по мнению автора, прозрачно для носителей языка, и хотя принципы наречения имени были различны и не всегда понятны для нас, но и в реальной жизни имя значило больше, чем простая идентификация личности. Автор приводит большую и очень интересную библиографию, демонстрирующую многообразие аспектов как самой греческой ономастики, так и научных подходов к ее изучению.

Для классической драмы имя есть сущностная часть личности. При этом «этимологическое значение» следует понимать широко, принимая во внимание и так называемую параэтимологию, близкую к народно-фольклорной, которая основывается на созвучиях, характере устного звучания слов и возникающей отсюда экспрессии психо-ментальной ассоциативной образности. Очевидно, что античная этимология базировалась на иных основаниях, нежели современная, и часто служила основой для различных дискурсивных стратегий, а в случае Аристофана была активным элементом словесной игры-каламбура.

Имя в классической комедии имело особое значение, так как оно создавалось самим автором и в значительной мере оформляло само действие и даже сюжет. Это особенно видно в комедии Аристофана (возможно, благодаря сохранности полных текстов комедий). Как известно, действие всех аристофановских пьес развивается на основе противоположности двух идей, тенденций, мнений (идеологических, политических, социальных); эта противоположность часто выражена именами центральных персонажей, во всяком случае, антагонистические начала присутствуют в каждой пьесе и манифестированы соответствующими именами. Эта смысловая контрастность, антонимичность имен является частным случаем ассоциативной номинации, в разных видах широко представленной у Аристофана.

Обращает на себя внимание, что имя протагониста часто вовсе не упоминается в начале пьесы, но называется в самом конце. Многие исследователи отмечали, что этот прием неоднократно использует Гомер в «Одиссее». Персонаж, таким образом, осуществляет свое имя во время действия пьесы и, лишь исполнив его смысл, он, наконец, получает право называться по имени. Это напоминает отношение к имени в ритуалах архаических культур и, безусловно, не присутствовало в повседневной жизни Афин времен Аристофана.

Персонажи меньшей значимости, не играющие центральных ролей в сюжете, получают «значащие» имена в качестве шуточного экспромта или продолжения комического эпизода. К сожалению, непосредственное ощущение комизма здесь не всегда возможно, и зачастую его приходится подменять лексикографическим описанием.

Рассуждения Н. Канава о своеобразии системы собственных имен в пьесах Аристофана не просто интересны, но увлекательны, и в нашей отечественной традиции, приходится признать, нет равноценных исследований классических текстов. Но наша рецензия и без того представляет собой краткий реферат, поэтому перейдем к структуре работы. После основательной и очень интересной теоретической части («Термины и категории», «Имя в комедии», «Имя в комедии Аристофана», «Методологические положения») следует анализ ономастических систем всех сохранившихся комедий Аристофана:

«Ахарняне», «Всадники», «Облака», «Осы», «Мир», «Птицы», «Лисистрата», «Фесмофориадзусэ», «Лягушки», «Экклезиадзусэ», «Богатство». В приложениях рассматриваются и фрагменты последних комедий Аристофана.

Эта часть заставляет по-новому осмыслить литературную технику Аристофана. Имя оказывается важнейшим семантическим центром пьесы, именем лингвокультурологического дискурса, в ходе которого автор вписывает имена аристофановских персонажей как в именованную реальную жизнь, так и в контекст смыслов античной литературной традиции (благодаря упомянутой выше этимологической прозрачности и ассоциативному мышлению, вообще свойственному греческой словесности).

Но имя у Аристофана — не имя персонифицированного абстрактного понятия, отвлеченной идеи, обуславливающих комедийный агон. Со ссылкой на Debus Н. Канава выстраивает четыре типа отношений между именем и носителем этого имени: 1) имя и носитель имени реальны; 2) имя реально, а носитель вымышлен; 3) имя и носитель имени вымышлены; 4) имя вымышлено, а его носитель реален. Имя, таким образом, служит инструментом «фикционализации» реальности, которая стирает грань между миром литературы и миром реальности. При этом персонаж, являющийся носителем имени, представляет собой своего рода сюжет, в котором лингвистические потенции имени взаимодействуют с культурным контекстом. Так, Агоракрит, один из протагонистов комедии «Всадники», тот самый, о котором было сказано, что имя он получает в самом конце пьесы, вполне проявив свою «функцию» и, наконец, запечатлев ее собственным именем, до этого звался просто *Колбасником*. Русский перевод аннулирует двусмысленность этого нового имени:

Н а р о д: А мне скажи, как звать тебя?

К о л б а с н и к: Агоракрит. За брань на рынке получил я прозвище.

Меж тем, как справедливо отмечает Н. Канава, этимология имени *Агоракрит* принципиально двусмысленна, и наряду с вышеозначенным толкованием оно может означать «Избранный на Агоре, месте, где проходили народные собрания». Таким образом, мошенник Агоракрит предстает перед нами народным избранником. Здесь мы видим, с одной стороны, насмешку Аристофана относительно возможностей «демократического выбора», а с другой — в имени *Агоракрит* оба компонента композита столь изощренно сплетают свои значения, что заключительное именование героя является не ответом на вопрос, кто он такой, но самим вопросом: «Кто он такой?» Звуковые же ассоциации (ср. выше: «За брань на рынке получил я прозвище») в указанной пьесе сопровождают антагониста Агоракрита, Клеона. Клеон — историческое лицо, о нем с похвалой отзывался Фукидид; у Аристофана же он носит прозвище *Пафлагонец*, которое, с одной стороны, ставит под сомнение его чисто греческое происхождение, а с другой — вызывает ассоциации с глаголом ‘кипеть, бурлить, негодовать’. Клеон и предстает перед нами в состоянии гнева, сопровождающимся шумом, грохотом, рычанием, часто далеко отходящим от членораздельной речи.

Не так-то прост и старикашка Демос. Дело в том, что во времена Аристофана *Демос* могло функционировать и как личное имя, весьма, впрочем, редкое. Но существовал некий соименный народу юноша, весьма пригожий и известный афинской аудитории. Любовниками Демоса желают стать и Агоракрит, и Клеон. В каламбуре Аристофана это значит, что оба они — лживые демагоги в первоначальном значении этого слова.

И сам Демос говорит о своих отношениях с Клеоном и Колбасником следующим образом: «Ну, вижу, угостят меня поклонники Сегодня всласть, чуть поломаться вздумаю». Этот намек, безусловно, скоро ставший непонятным и, возможно, несущественный для современной аудитории, многое говорит нам о стиле Аристофана. Его «переплетение имен» создает исключительно своеобразный языковой ландшафт, облик которого меняется в зависимости от ракурса и, оставаясь самим собой, он предстает перед нами вечно новым.

Хочется сказать, что книга Н. Канаву читается как увлекательное сюжетное повествование. Ее перевод на русский язык был бы полезен и исследователям ономастики, и филологам-классикам: у нас так давно не было монографических исследований, посвященных античным писателям!

И. А. Летова,
Уральский федеральный университет
(Екатеринбург)
irina_letova51@mail.ru

Рукопись поступила в редакцию 23.10.2012 г.